

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ХОД ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПАРИЖА)

В статье рассмотрены два случая борьбы локальных сообществ против трансформации городского пространства, а именно против сноса строений, которые не представляют архитектурной ценности, но имеют выраженное историческое и мемориальное значение для горожан: случаи сообществ Санкт-Петербурга и Парижа. Сравнивая процессы оспаривания участков городского пространства членами локальных сообществ, автор приходит к выводу, что на ход их борьбы влияет наличие или отсутствие в составе политических режимов данных городов коалиций представителей строительного бизнеса и городской администрации.

***Ключевые слова:** оспаривание городского пространства, локальные сообщества, городской политический режим, легитимации.*

Теоретические основы изучения случаев оспаривания городского пространства локальными сообществами

Городское пространство является важным ресурсом, возможность изменять которое является маркером принадлежности к власти.

Говоря об оспаривании городского пространства, необходимо различать процессы, лежащие в основе подобного рода конфликтов. Каждый тип социального устройства, согласно А. Лefевру, имеет свою конфигурацию пространственных практик, всегда опосредованных культурным и экономическим функционированием общества. Эти пространственные практики представляют собой типы распределения капиталов, которые, в свою очередь, создают и воссоздают пространство и тем самым влияют на переопределение пространства непосредственного пребывания горожан (Lefebvre 1991: 33). Необходимо отметить, что данные виды капиталов задают возможности материального или символического присвоения пространства, получения прибылей от занимаемого пространства и исключения тех, кто, в силу отсутствия капитала, лишен этой возможности (Бурдьё 2005). В данном контексте можно говорить о существовании, согласно С. Лоу, социального производства пространства — процесса, ответственного за материальное создание пространства (перепланировка,

Тыканова Елена Валерьевна — аспирантка кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (sensu_87@inbox.ru)

джентрификация, программы городского развития и т. д.) и являющегося прерогативой власти (Low 2000: 128).

С другой стороны, согласно Лоу, существует обратный процесс, определяющийся опытом восприятия пространства, принимающий свое значение посредством социального взаимодействия, практик памяти, образов и повседневного использования — *социальное конструирование пространства* вступает в противоречие с *социальным производством пространства* (The anthropology of space... 2003: 19). Исследовательница утверждает, что город является объектом реализации проектов, запущенных доминантными политическими элитами с целью извлечения прибыли, однако эти планы редко совпадают с интересами и потребностями горожан, что приводит к распространению социальных движений в защиту городского пространства и развитию локального активизма (Ibid: 21–22).

Модели управления городами, которые могут выступать основами пространственных практик, разработаны в рамках традиции исследований городской власти и политики (см. обзор: Тев 2006: 99–121; Ледяев 2008: 32–60; Ледяев 2010: 23–51). Исследователь городских политических режимов К. Стоун утверждает, что в случае, когда местные власти имеют ограниченный потенциал извлечения финансовых выгод и самостоятельного решения городских проблем, но обладают возможностями мобилизовать капитал (Stone 1988: 82–104), велика вероятность появления коалиционных политических режимов, которые сочетают институциональные и экономические возможности властей, в первую очередь — инвестиционные преимущества представителей крупного бизнеса (Stone 1989).

Одним из подобных типов городского политического режима могут выступать стратегии «машин роста», ориентированных на извлечение прибыли посредством вложения капитала в городские территории (Molotch 1976: 309–332; Logan, Molotch 1987). «Машины роста» демонстрируют тенденции, свойственные капиталистическому городу и неолиберальному курсу городской экономики. Одной из таких тенденций, по мнению социального географа Д. Харви, является «пространственно-временная фиксация» капитала («spatial-temporal fix»). Городское пространство становится объектом особой территориализации капитала (географической экспансии вложений в городское пространство), которая позволяет бизнес-элитам вкладывать накопившийся избыточный бизнес-капитал во все новые географические территории и тем самым избегать финансовых кризисов (Harvey 2003).

В данной статье мы рассмотрим влияние городских политических конфигураций в Санкт-Петербурге и Париже на ход оспаривания городского пространства представителями локальных сообществ.

Сравнительное исследование случаев оспаривания городского пространства в Санкт-Петербурге и Париже

В контексте изучения протестных инициатив горожан наше внимание будет обращено на два крупных города — Санкт-Петербург и Париж, в которых дискуссии о роли сохранения исторического и архитектурного наследия занимают важное место при обсуждении градостроительной политики. Санкт-Петербург и Париж выбраны в качестве примеров рассмотрения оспаривания городского пространства и потому, что во многом имеют схожую судьбу в отношении исторических центров и вообще — в сохранении и поддержании архитектурных и исторических памятников.

Так, в советское время в Ленинграде было принято решение оставить в целостности историческую застройку центральной части города и возвести новые строения сталинского типа, символизирующие новую эпоху, в Московском районе. В данный момент центральная часть Санкт-Петербурга входит в охранную зону ЮНЕСКО. Однако нередки случаи сноса зданий в центре города и возведения новых строений, а также случаи уплотнительной застройки и вырубания зеленых насаждений, что вызывает протестную активность горожан. Протестные инициативы жителей Санкт-Петербурга, по словам известного исследователя гражданских инициатив в России К. Клеман, интенсифицировались с 2002 г. в связи со строительным «бумом» в городе (Клеман, Мирясова, Демидов 2010: 183). Городские власти Санкт-Петербурга ориентированы на обретение им статуса «европейского города» и включаются в своеобразную конкуренцию за право обладать признаками, которые об этом свидетельствуют: развитие инфраструктуры, привлечение инвестиций, увеличение привлекательности города и т. д. (Ежегодные послания и отчеты Губернатора СПб. [<http://www.assembly.spb.ru/manage/page?tid=633200028>]).

Париж претерпел две волны джентрификации: «рентную» в 1960-е гг. в Латинском квартале (Cheval 2008), и так называемую «культурную джентрификацию» в 1970-80-е гг. в квартале Марэ (Djirikian 2004). Тем не менее, столица Франции известна тем, что новые высотные здания были вынесены за пределы исторического центра в деловой район Дефанс. Исключение составляет возведенный в Латинском квартале небоскреб Тур де Монпарнас, вокруг которого вспыхнули острые публичные дискуссии, не затихающие по сей день. Нередки случаи, когда здания доводятся до ветхого состояния и под предлогом их аварийности сносятся, что вызывает протестную активность представителей локальных сообществ (Cefaï et al. 2011: 67).

Стратегии протестной деятельности локальных сообществ против градостроительных решений сильных групп интересов, а также соци-

альные условия, в контексте которых происходит оспаривание городского пространства, мы рассмотрим на эмпирических материалах двух изученных нами случаев. Данными случаями будут выступать протестные инициативы локальных сообществ и их лоббистов против потенциального сноса дома Юргенса в Санкт-Петербурге (ул. Жуковского, д. 19, центр города, рис. 1) и борьба за сохранение архитектурного комплекса Порт-Маон: старинного здания молочной фермы Монтсури и прилегающей к ней усадьбы Сен-Жак в Париже (улица Томб-д'Иссуар, 14 округ, периферия Латинского квартала, рис. 2).

*Рис. 1. Дом Юргенса. Улица Жуковского, дом 19.
Источник: [www.citywalls.ru/photo32123.html]*

*Рис. 2. Сад во дворе фермы Монтсури
Источник: [collectifportmahon.blogspot.com/album/photos_du_site/jardin.html]*

В качестве эмпирической базы статьи будут выступать материалы полевого исследования протестных инициатив локального сообщества жильцов улицы Жуковского и их лоббистов против сноса дома Юргенса в октябре 2010 г. (3 наблюдения, 9 интервью с активистами), а также материалы интернет-сайта защитников комплекса Порт-Маон, фермы Монсури и усадьбы Сен-Жак (документы, визуальные материалы, хронология событий [<http://collectifportmahon.blogspot.com>]), охватывающие период с апреля 2005 г. по настоящее время.

В Санкт-Петербурге представители фирмы-застройщика ООО «Луксор» выкупили все квартиры в доме Юргенса и планировали довести здание до состояния крайней аварийности, что дало бы возможность его снести и построить вместо трехэтажного особняка шестиэтажный элитный бизнес-центр или гостиницу. В Париже инвестор «Soferim» следовал подобной же стратегии: обойдя необходимость сохранения и реставрации зданий, снести постройки и возвести жилой комплекс и учреждение культуры для детей, на что им было получено разрешение Министерства культуры Франции от 25 апреля 2005 г. Критериями выбора для сравнения оспаривания этих объектов послужила их историческая ценность: трехэтажный особняк Юргенса, построенный знаменитым архитектором, именем которого и названо здание, является образцом типовой малоэтажной застройки Санкт-Петербурга XIX в. (дата постройки 1865 г.), ферма Монсури и комплекс прилегающих к ней строений (сер. XIX в.) — единственное здание молочной фермы, оставшееся от 502 существовавших на территории Парижа молочных ферм и усадеб (рис. 3).

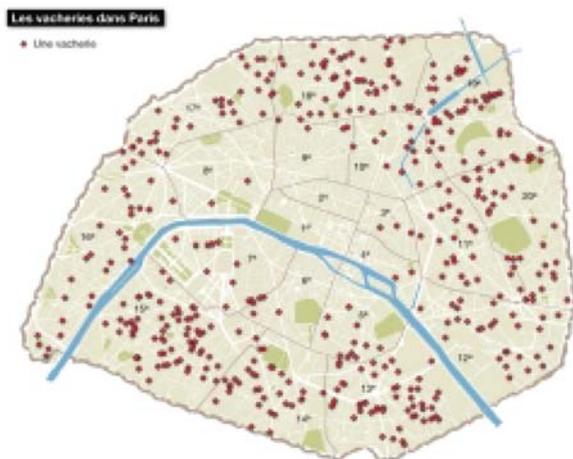

Рис. 3. Карта ферм Парижа в 1895 г., согласно l'Atlas des Parisiens
Источник: [collectifportmahon.blogspot.com/histoire-d-une-lutte-2012/]

Дом Юргенса хотя не является памятником архитектуры федерального значения, ценен как образец строительства XIX в. и находится в центре города, т. е. на территории, где, за исключением редких случаев, связанных с необратимой аварийностью, снос зданий запрещен. Территория, на которой расположен архитектурный комплекс фермы Монтсури и усадьбы Сен-Жак, имеет археологическое значение для медиевистов, поскольку представляет собой неразработанный участок, имеющий богатый культурный слой, свидетельствующий о технологиях строительства в Средние века (рис. 4).

*Рис. 4. Карьер дороги Порт-Маон
Источник: [<http://collectifportmahon.blogspot.com>]*

В обоих случаях представители локальных сообществ (в Санкт-Петербурге — жители ближайших зданий, в Париже — жители улицы Томб-д'Иссуар и 14 округа) выступили против градостроительных решений в отношении оспариваемых участков городского пространства. Однако стратегии, к которым прибегали жильцы, отстаивающие сохранение дома Юргенса и комплекса Порт-Маон, различаются.

Члены локального сообщества Томб-д'Иссуар активно прибегали к легитимным способам борьбы против разрешения Министерства культуры Франции на снос в рамках режима «планового действия», которые были эффективны на протяжении нескольких лет (с 2005 по 2012 г.), а именно:

- 1) оспаривали право инвестора на снос, разрушение археологического участка и строительство в административном трибунале города Парижа, причем во всех случаях данная стратегия имела успех;
- 2) собирали подписи под коллективными обращениями в различные инстанции;

- 3) приглашали экспертов для наблюдения за соблюдением охранных постановлений Мэрии: Комитета по урбанизму и Муниципальной парижской комиссии («Комиссии парижских старейшин»);
- 4) делали запросы в Мэрию 14 округа, в котором и расположен оспариваемый участок городского пространства, Мэрию Парижа, Городской и Федеральный Советы (парламенты).

Перечисленные действия жильцов стали индикаторами бурной дискуссии о судьбе фермы и усадьбы в Мэрии Парижа и открытого голосования фракций, в ходе которого представители левых партий выступили против уничтожения исторических зданий, большинство «правых» проголосовали «за».

Пользуясь противоречиями, которые существуют по поводу оспариваемого пространства в федеральном и региональном законодательствах, представители инвестора в каждом случае отказа в сносе зданий и строительстве новых объектов на месте фермы Монтсури делают новые запросы в Мэрию Парижа, Городской Совет, Министерство культуры и т. д. Так, согласно блогу защитников фермы Монтсури и усадьбы Сен-Жак, от 03 августа 2006 г.: *«Инвестор подал еще три заявки на разрешение сноса 7 зданий. В этом случае сохранными останутся только здание зернохранилища и дом 26 на Томб-д'Иссуар. В качестве подтверждения своей позиции они указывают на то, что эти здания находятся в очень плохом состоянии»* (<http://collectifportmahon.blogspot.com/histoire-d-une-lutte-2012/>). Путем различных взаимных договоренностей и юридических тактик инвестора им было получено разрешение на «реставрацию» в виде бетонирования объектов. Реализация этого проекта вызвала протесты локального сообщества против «мнимой» реставрации и бурную дискуссию в Мэрии Парижа. Так, например, согласно выступлению представителя левой партии «зеленых» Ренэ Дютрея (René Dutrey), бетонирование не является действием по «реставрации» объекта исторического наследия: *«Это то же самое, что насыпать песок в неф собора Парижской богородицы»* (<http://collectifportmahon.blogspot.com/histoire-d-une-lutte-2012/>).

В случаях неудач в рамках обращения к легитимным способам борьбы жильцы, следуя принципам публичного оправдания, привлекали к освещению конфликта прессу и выступали с немногочисленными публичными акциями. Члены инициативной группы Томб-д'Иссуар следовали стратегии активной виртуализации сообщества: ими был создан сайт, на котором они могли делиться последними новостями относительно сноса и выкладывать визуальные материалы. Имея возможность непосредственного наблюдения за оспариваемым участком городского пространства и пользуясь знанием об особенностях ближайшей территории, жильцы прибегали к неагрессивным пространственным такти-

кам (Certeau 1984): подсматривание, фотографирование случаев сноса на территории фермы, доступ к которой был затруднен «Soferim» и т. д. Однако можно утверждать, что члены локального сообщества, отстаивающие комплекс Порт-Маон в Париже, в большей степени предпринимали усилия в рамках самоорганизации и попытки легитимной борьбы, не кооперировались и не создавали сети по обмену опытом с представителями других антиградостроительных протестных инициатив в городе, а также не сотрудничали с градозащитными организациями и другими НКО.

Однако Региональная дирекция по делам культуры выдает «Soferim» разрешение на проведение дальнейших работ в карьере. При этом инвестором публично декларировалась сохранность исторических объектов фермы (рис. 5).

Рис. 5. Плакат «Soferim» на Томб-д'Иссуар:
«Работы проводятся с целью сохранения»

Однако при смене главы округа от партии левых на лояльного к действиям инвестора от партии правых, фирма-застройщик получила разрешение на снос 3-х зданий и под предлогом аварийности 14 февраля 2012 г. снесла все оставшиеся строения.

Жители локального сообщества, защищающие дом Юргенса, также изначально обратились к легитимным протестным действиям: звонили в различные инстанции (в муниципальный округ, управляющую компанию, администрацию города), составляли коллективные письма губернатору В. Матвиенко, а также в администрацию района. Однако эти действия не были эффективными: «В результате, значит, как нам сказали во всех инстанциях: мы с мая месяца, мы, жильцы дома 17, пишем во все

инстанции, начиная с Матвиенко и кончая более низкими инстанциями. Вы знаете, кроме отписки нам никто ничего, кроме... Вот, частный владелец квартир в этом доме имеет право делать все, что он хочет. Значит, в результате мы оказались в бесправовом пространстве» (Интервью 4. Жительница дома № 17 по ул. Жуковского). Данная ситуация заставила членов локального сообщества приступить к активным продолжительным публичным акциям протеста, как непосредственно у дома Юргенса, так и на митинге в защиту особняка, который состоялся 16 октября 2010 г. неподалеку от ул. Жуковского в сквере Маяковского (рис. 6).

Рис. 6. Митинг в защиту дома Юргенса 16 октября 2010 г.

Необходимо подчеркнуть, что жильцы практически с самого начала конфликта избрали стратегию объединения с градозащитными организациями города «Движение гражданских инициатив» и «Живой город», «Автономное действие» и «Организация по охране памятников и архитектуры». Также борцы за сохранение дома Юргенса сочли эффективным обратиться к представителям других локальных сообществ (защитники сквера на ул. Ивана Фомина, дома № 112 на Невском проспекте, фермы Бенуа, площади Мужества, движение «Охтинская дуга») с целью создания сетей для обмена эффективным опытом самоорганизации и оспаривания: *«Друзья, товарищи, надо объединяться. Вот, сегодня опубликовали первые данные о двух днях переписи населения. Уже переписано 6 % населения города. Вот, если бы эта 6 % населения города пришла вместе, объединилась и это дало бы власти понимание, что, действительно, люди озабочены тем, что происходит в городе. И тогда, тогда они уже задумаются, как в следующий раз... Колокол уже прозвенел. И тоже здесь подсказка в том, что если большое количество людей объединяются, то значит, что что-то здесь определенное недовольство действиями властей»* (Транскрипт митинга в защиту дома Юргенса 16.10.2010. Защитник сквера на ул. Ивана Фомина). Высокий уровень консолидации в сетях между членами различных локальных сообществ, оспаривающих город-

ское пространство, демонстрирует наличие символики — зеленых лент. Однако следует подчеркнуть, что на дискурсивном уровне легитимации представителей градозащитных организаций и членов локального сообщества, отстаивающих сохранность здания на ул. Жуковского, 19, расходятся. Например, участники «Движения гражданских инициатив» и «Живого города» в большей степени апеллируют к исторической ценности особняка Юргенса: *«Это невысокое трехэтажное здание. И таких зданий не так и много осталось в городе. Мы знаем, что такие здания сопровождали всю историю Петербурга и найти в первоизданном виде невысокий дом не так уж и легко... Не обязательно знать какие-то градостроительные нормы и законы для того, чтобы понимать, что город в своем сердце, в своей исторической части должен оставаться таким, какой он есть»* (Там же. Дарья Минутина, движение «Живой город»). Однако защитники дома, которые представляют собой жителей ближайших к особняку Юргенса домов (ул. Жуковского, дома 17 и 21), апеллируют не к исторической, коммеморативной ценности здания, а скорее к рациональным, прагматическим мотивам, связанным с угрозой разрушения их домов в случае строительства бизнес-центра на месте снесенного дома на ул. Жуковского, 19: *«Значит, они собираются снести весь флигель уличный, дворовый и на этом месте построить 6-ти этажный деловой центр, как нам было сказано. И, самое главное, сделать подземную парковку. Это самое опасное... Ведь у нас единственное, что есть — это жилье, в котором мы живем. А они собираются это разрушить»* (Интервью б. Жительница дома № 17 по ул. Жуковского).

В сравнении со случаем оспаривания городского пространства на Томб-д'Иссуар, коалиции защитников дома Юргенса помещают свой случай в контекст иных градостроительных угроз в городе. Так, например, организация «Живой город» в ходе митинга демонстрировала плакаты с информацией об улицах, которые были исключены из охранных зон и поэтому находятся в ситуации риска сноса (рис. 7).

Рис. 7. Плакаты на митинге в защиту дома Юргенса

Заключение

Итак, каковы же причины различий протестных инициатив представителей локальных сообществ Санкт-Петербурга и Парижа? На наш взгляд, эти различия можно объяснить разными типами городских политических режимов в этих городах. Так, в Санкт-Петербурге сформировался политический режим в виде «машины роста» (Molotch 1976: 309–332) — симбиоза политических и бизнес-элит, или, в контексте нашего города, — строительных корпораций (Тев 2006: 99–121), извлекающих обоюдные выгоды (через эффективное использование городских территорий) посредством быстрого решения городских вопросов. Так, по словам лоббиста интересов локального сообщества улицы Жуковского депутата Сергея Малкова: *«Сегодня, когда признание домов аварийными становится одним из элементов строительного бизнеса, ваш митинг является частью общей борьбы за сохранение исторического центра нашего города. Городская власть с инвесторами придумали красивое название для прикрытия своих истинных действий: «развитие Санкт-Петербурга». Но на самом деле, за словом «развитие» скрывается нечто прямо ему противоположное — уничтожение исторического центра ради сиюминутной прибыли»* (Обращение С.А. Малкова к защитникам дома Юргенса). Поэтому доступ локальных сообществ к легитимным способам борьбы ограничен, что заставляет их активнее прибегать к публичному протесту и консолидации ресурсов в коалициях с градозащитными движениями и другими инициативными группами. Необходимо отметить, что в европейских странах важными агентами городской политики выступают политические партии, влияние левых партий является препятствием для формирования коалиционных режимов в виде «машин роста» и большую роль в принятии градостроительных и иных решений имеют политические лидеры (Strom 1996: 455–481). Именно поэтому локальному сообществу Томб-д'Иссуар в течение нескольких лет удавалось легитимным образом оспаривать многочисленные заявки инвестора на уничтожение строений. Однако при смене политического лидера в административном округе инвестор получил право на реализацию градостроительного решения на снос зданий, и представители локального сообщества были вынуждены обратиться к публичному протесту. Таким образом, можно заключить, что различные конфигурации политического дискурса и структур политических возможностей обуславливают ограничения протестных инициатив локальных сообществ.

Литература

- Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.
Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. М.: Три квадрата, 2010.

Ледяев В.Г. Городские политические режимы: Теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. № 3: Локальная политика, местное самоуправление: Российский и зарубежный опыт. М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед., 2008. С. 32–60.

Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (70). С. 23–51.

Тев Д. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 2. С. 99–121.

The anthropology of space and place: locating culture / Ed. by Setha Low and Denise Lawrence-Zuniga. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003.

Cefai D., Mello M. A., Berocan V. F., Reis M. F. Arenas públicas. Poruma etnografia da vida associative. Niterói, RJ : EDUFF, 2011.

Certeau de M. The Practice of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.

Cherval A. La gentrification à Paris intra-muros: dynamiques spatiales, rapport sociaux et politiques publiques. Thèse de doctorat. Décembre 2008.

Djirikian A. La gentrification du Marais: quarante ans d'évolution de la population et des logements. Thèse de doctorat. Juin 2004.

Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1991.

Logan J.R., Molotch H.R. Urban fortunes: the political economy of place. Berkeley: University of California Press, 1987.

Low S. M. On the Plaza: the politics of public space and culture. Austin: University of Texas Press, 2000.

Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. 82 (2). Pp. 309–332.

Stone C.N. Pre-emptive power: Floyd Hunter's community power structure reconsidered // American Journal of Political Science. 1988. 32 (1). Pp. 82–104.

Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

Strom E. In Search of the Growth Coalition: American Urban Theories and the Redevelopment of Berlin // Urban Affairs Review. 1996. 31 (4). Pp. 455–481.